

Л. А. Становая

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ВЕРТИКАЛЬНОГО» И «ГОРИЗОНТАЛЬНОГО» МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ЯЗЫКА

«Горизонтальный» метод исследования рукописных вариантов одного и того же литературного текста позволяет выявить вариантные формы и систематизировать их по хронологии, диалекту и скрипте, стилистической и прагматической функциям. «Вертикальный» метод исследования различных литературных произведений, созданных разными авторами в разное время и в разных районах, но содержащихся в одной и той же рукописи, позволяет выявить специфические формы диалекта и скрипты района, в котором данная рукопись была выполнена. «Горизонтальное» исследование свидетельствует о существенных различиях языкового узуса рукописных вариантов одного текста. «Вертикальное» исследование свидетельствует о сходстве языкового узуса всех содержащихся в одной рукописи текстов.

Ключевые слова: история языка, диасистемная вариативность, рукописный текст, региональная письменная традиция скрипта.

L. A. Stanovaia

THE USE OF «VERTICAL» AND «HORIZONTAL» METHODS IN LANGUAGE HISTORY RESEARCH

The «horizontal» method of studying manuscript variants of the same literary text allows to identify variant forms and systematize them according to their chronology, dialect and scripts, their stylistic and pragmatic functions. The «vertical» method of studying various literary works created by different authors at different times and in different areas, but contained in the same manuscript, allows to identify specific forms of the dialect and scripts of the area in which this manuscript was executed. The «horizontal» study reveals significant differences in the language usage of the manuscript variants of the same text. The «vertical» study reveals similarities in the language usage of all texts contained in one manuscript.

Keywords: history of language, diasystemic variation, manuscript, regional written script tradition.

В наших исследованиях именной морфологии старофранцузского языка [2, 3] мы использовали два метода, которые мы назвали «вертикальным» и «горизонтальным».

«Горизонтальный» метод исследования основан на сравнении рукописных текстов, которые были выполнены разными скри-

бами (переписчиками) в разное время и в разных районах, но которые представляют варианты и версии одного и того же произведения. «Горизонтальное» изучение рукописных вариантов одного и того же произведения направлено на изучение диасистемной вариативности языка, поскольку

позволяет выявить вариантные формы, употребленные в идентичных или схожих контекстах для выражения одного и того же грамматического значения, а затем их систематизировать по хронологии (диахроническая вариативность), диалекту и скрипте (диатопическая вариативность), стилистической и прагматической функциям (диафазическая вариативность).

«Горизонтальный» метод создан на основе текстологических исследований, где сравнение рукописных вариантов и версий одного литературного произведения используется для воссоздания, или восстановления, так называемого архетипического, оригинального текста.

Известно, что различные литературные, научные, деловые и иные произведения эпохи Средневековья дошли до нас в виде многочисленных рукописей, выполненных в разное время и в разных районах Франции, а также за её рубежами, в частности на территории Англии и Италии. Наиболее известные литературные произведения эпохи представлены в виде различных рукописных вариантов и версий. Термином «вариант», или «список», принято обозначать один или несколько рукописных текстов одного произведения, незначительно различающихся между собой по содержанию. Более серьезные расхождения по содержанию, композиции, стилю позволяют говорить о разных «версиях» одного произведения.

Количество вариантов может варьироваться от одного до двухсот-трехсот. Так, если «Роман о Флуар и Бланшефлор» (*Floire et Blancheflor*), «Флоовант» (*Floovant*), «Отинель» (*Otinell*) и другие тексты сохранились в одном рукописном варианте, то «Коронавание Людовика» (*Le Couronnement de Louis*) — в восьми, «Миракль о Св. Епископе из Клермона» (*Du St Bon évêque de Clermont*), написанный Готье де Куэнси (*Gautier de Coinci*), — в двадцати восьми, а известный «Роман о Розе» (*Le Roman de la*

Rose) — в двухстах пятидесяти вариантах (подробно см.: [1, 4]).

Различия между рукописными вариантами и версиями литературных произведений привлекли внимание исследователей уже в XIX веке. Проблемам соотношения рукописных вариантов между собой и первоначальным, не дошедшим до нас оригиналом посвятили свои исследования Ж. Бедье, Г. Парис, Ф. Лот, Л. Готье, П. Майер, М. Рок и другие романисты, заложившие основы текстологии. В качестве основной задачи проводимых текстологических исследований признавалось восстановление и последующее издание оригинала (архетипа) произведения. Для этого все или большинство сохранившихся рукописных вариантов и версий одного произведения сравнивались между собой, в них отмечались общие места и общие ошибки. Стеммы, составленные в результате этих исследований, представляли в схематичной форме отношения, установленные исследователями, между сохранившимися и несохранившимися рукописными текстами.

Анализируя текстологические исследования французских рукописей, мы пришли к мнению, что восстановленные филологами архетипические тексты являются в большей степени гипотетическим, нежели реальным языковым свидетельством изучаемого периода. Мы глубоко убеждены в том, что только сохранившиеся рукописные тексты, выполненные говорящими (*homo loquens*) и пишущими (*homo scribens*) субъектами изучаемого периода, являются единственным и объективно доступным материалом исследования, или, говоря словами Ж. Бедье [5, с. 251], великого французского текстолога и филолога: только рукопись представляет что-то живое (*seul le manuscrit représente quelque chose qui fût de la vie*).

Тем не менее текстологические исследования содержат много ценных данных. Кроме этого, содержащиеся в едином издании рукописные варианты и версии одного

произведения дают возможность «горизонтального» изучения того или иного языкового явления. Сравнивая рукописные тексты, строчка за строчкой или лесса за лессой, мы выявляли вариативные лингвистические формы, употребленные в идентичных или схожих контекстах для выражения одного и того же грамматического значения. Поскольку дата и место выполнения рукописей определены более или менее точно, выявленные формы были систематизированы согласно хронологии, диалекту и скрипте, стилистической и прагматической функциям, и др.

В процессе «горизонтального» изучения рукописных текстов мы заметили, как существенно эти рукописные варианты различаются между собой не только по содержанию, композиции и стилю, но и по языку — лексике, морфологии, синтаксису, не говоря уже о графике.

Так, в рукописях XIII века текста «Четыре возраста человека. Нравоучительный трактат Филиппа Наваррского» (*Les Quatre Âges de l'homme. Traité moral de Philippe de Navarre*) существительные и прилагательные в формах с *-s* / без *-s* чередуются друг с другом в идентичных фразах, полностью подтверждая наш вывод [2] об отсутствии каких-либо синтаксических факторов, влияющих на употребление так называемых «неправильных» падежных форм, например:

(1)

– *dont mal et damage puest venir* (P., B.N., f.fr. 15210, P., B.N., f.fr. 28260);

– *dont max et damage pueent venir* (P., B.N., f.fr. 12581);

– *dont max et damages pueent venir* (P., B.N., f.fr. 24431);

– *dont maus et damages pueent venir* (Metz, 535).

(2)

– *de vilainne parole aviennent granz maus* (P., B.N., f.fr. 15210);

– *de vilainne parole aviennent granz maus* (P., B.N., f.fr. 28260);

– *de vilainne parole aviennent granz mal* (Metz, 535).

(3)

– *ainz doit raisons estre dame et volantez dessouz ses piez* (P., B.N., f.fr. 12581);

– *ainz doit raisons estre dame et volantez dessouz ses piez* (P., B.N., f.fr. 24431);

– *ainz doit reison estre dame et voulenté dessouz ses piez* (P., B.N., f.fr. 15210);

– *ainz doit raisons estre dame et volonté dessouz ses piez* (P., B.N., f.fr. 28260);

– *ainz doit raisons estre dame et volonteis dessouz ses piez* (Metz, 535).

«Горизонтальное» изучение рукописей показало, что рукописные варианты и версии одного произведения обычно различаются по аналогическому или этимологическому типу оформления имени, причем употребление так называемых «падежных» форм не обусловлено временем выполнения рукописи, ни ее хронологической близостью или дальностью от предполагаемой даты создания текста: оно обусловлено прежде всего аналогическим или этимологическим типом скриптуральной нормы [1, 2, 3].

Например, из рукописных вариантов и версий эпической поэмы «Детство Вивьена» (*Les Enfances Vivien*), созданной в конце XII века, две рукописи: *A* (Boulogne-sur-Mer, B. Municipale, 192, выполнена в 1295 году) и *D* (L., Br.M., R.20.D.XI, выполнена в начале XIV века) представляют аналогическую норму оформления имени, а три: *B* (P., B.N., f.fr. 1448, выполнена в 1250–1300 годах), *C* (P., B.N., f.fr. 1449, выполнена около 1250 года) и в прозе (P., B.N., f.fr. 796, выполнена в XV веке) — этимологическую.

Зависимости между временем выполнения рукописи и количеством так называемых «ошибок в склонении» нет: самый ранний поэтический вариант середины XIII века (*C*) содержит больше «ошибок» (50%), чем более поздние конца XIII — начала XIV века (*A* — 25%, *B* — 30%, *D* — 25%). Полученные данные представлены в таблице 1.

«Горизонтальное» изучение «Детства Вивьена»

	<i>C</i>	<i>D</i>	<i>A</i>	<i>B</i>	<i>P., B.N., f.fr. 796</i>
Время	около 1250 г.	начало XIV в.	16 апреля 1295 г.	1250–1300 гг.	XV в.
Место	Иль-де-Франс	Иль-де-Франс	Пикардия	Лотарингия	Иль-де-Франс
Вид	в стихах	в стихах	в стихах	в стихах	в прозе
Тип оформления имени	этимологический	аналогический	аналогический	этимологический	этимологический
Общее кол-во так наз. «ошибок в склонении» / по разным частям речи (в %)	50 / 35–64	25 / 5–45	25 / 5–45	30 / 17–54	63 / 40–85

Хотя постепенное «разрушение старо-французского склонения» не прослеживается в хронологически разных рукописных вариантах одного произведения [1, 2, 3, 16], «горизонтальное» изучение других грамматических явлений свидетельствует о более или менее очевидной языковой эволюции.

Так, изучая вариативность этимологических и аналогических форм прилагательных женского рода, можно заметить медленное, но уверенное распространение форм на *-e*, например, по трем рукописным вариантам — конца XIII века (*A*: P., B.N, f.fr. 4780, ~ лотарингская), первой половины XIV века (*B*: P., B.N, f.fr. 368, ~ лотарингская) и первой половины XV века (*C*: L., Br.M., 15.E.VI, запад) — эпической поэмы «Симон де Пуиль» (*Simon de Pouille*), созданной во второй половине XII века:

C1552: *par grande faulcete* // A542, B2046: *et por grant fausetete*

C1412: *Telle chose vous diray* // AB: *tel chose vos dirai*

C1465: *onque telle ne fu* // A450: *onc teuz ne fu veue*

Эту вариативность можно определить как диахроническую, свидетельствующую о распространении аналогических форм прилагательных женского рода (*grant* → *grande*; *tel, teuz* → *telle*) с конца XIII века (*A*) и первой половины XIV века (*B*) к первой половине XV века (*C*).

Вариативность лингвистического узуса — одного и того же литературного текста по рукописным вариантам хорошо известна. Текстологи объясняют это тем, что переписчики в процессе выполнения рукописи более или менее существенно изменяли копируемый текст. В результате этих изменений текст выполняемой рукописи все более и более удалялся как от своего протографа (копируемой рукописи), так и от оригинала (архетипа). Однако, как подчеркивают многие исследователи, рукописный текст не представляет собой искаженный малограмотным переписчиком текст произведения, а расхождения между разными вариантами не обусловлены его внимательностью или невнимательностью. Различия между вариантами несут в основном сознательный характер и отражают как личность переписчика, так и его внутренние, в том числе и нормативные установки.

Дело в том, что рукописный текст предполагает существование длинной цепочки межличностных отношений, а его авторами выступали самые разнообразные люди: жонглеры, менестрели, рыцари-труверы, горожане, клирики и др. Рукописный текст является результатом, с одной стороны, взаимодействия разных лингвистических систем: системы автора, системы первого переписчика, системы второго переписчика, третьего и т. д., а с другой — компромисса, поскольку переписчики находились

между двумя полюсами притяжения: желанием как можно лучше скопировать протограф и желанием следовать своим лингвистическим привычкам [4, 12, 14, 18).

Чтобы выявить лингвистические привычки переписчика как говорящего (*homo loquens*) и пишущего (*homo scribens*) субъекта, его внутренние, в том числе и нормативные установки, мы использовали «вертикальный» метод.

«Вертикальный» метод исследования основан на сравнении рукописных текстов различных литературных или иных произведений, созданных разными авторами в разное время и в разных районах, но которые содержатся в одной и той же рукописи. «Вертикальное» изучение рукописи, выполненной, как правило, в одно и то же время в одном и том же районе, позволяет выявить специфические формы диалекта и скрипты района, в котором данная рукопись была выполнена, и отделить окказиональные формы, не свойственные диалекту и скрипту данного района.

«Вертикальное» изучение показало, что все тексты, зафиксированные в одной рукописи, представляют единый языковой узус, характерный для всей рукописи в целом. Обратимся, например, к результатам «вертикального» изучения двух текстов: «Детство Вивьена» (*Les Enfances Vivien*) и «Взятие Оранжа» (*La Prise d'Orange*), зафиксированных в одних и тех же рукописях (табл. 2).

В отличие от вариативности текста по «горизонтали», сходство рукописного узуса по «вертикали» кажется поразительным. Это сходство языкового узуса свидетельствует о главенствующей роли переписчиков, которые выполняли рукописи согласно правилам или нормам своих скриптов.

Отметим, что стремление переписчика следовать аналогической или этимологической норме оформления имени не зависит ни от количества зафиксированных в ней текстов, ни от их разнообразия.

Так, пикардская рукопись начала XIV века (Siena H.X.36) содержит приблизительно 77 Лэ (*Lais*) и 24 Же (*Jeus partiis*) французских труверов, то есть более 100 различных текстов, созданных разными авторами различного регионального происхождения в течение XIII века. Все тексты представляют аналогическую норму, характерную для пикардских скриптов, общее количество «ошибок» — около 12%.

Лотарингская рукопись первой половины XIV века (Oxford, B. Bodleiana, Douce 308) содержит приблизительно 87 Лэ (*Lais*) и 22 Песни (*Sottes chansons*) французских труверов, то есть 109 различных текстов. Хотя рукопись выполнена двумя переписчиками, все тексты представляют этимологическую норму, характерную для лотарингских скриптов, общее количество «ошибок» — около 25% [3, 16].

Таблица 2

«Вертикальное» изучение текстов «Детство Вивьена» и «Взятие Оранжа»

		<i>P., B.N., f.fr.</i> 1449	<i>L. Br.M., R.20.D.XI</i>	<i>Boulogne-sur-Mer</i> 192	<i>P., B.N., f.fr.</i> 1448
<i>Enfances Vivien</i>	Тип оформления имени	этимологический	аналогический	аналогический	этимологический
	Общее кол-во так наз. «ошибок в склонении» / по разным частям речи (в %)	50 / 35–64	25 / 5–45	25 / 5–45	30 / 17–54
<i>Prise d'Orange</i>	Тип оформления имени	этимологический	аналогический	аналогический	этимологический
	Общее кол-во так наз. «ошибок в склонении» / по разным частям речи (в %)	47 / 16–60	20 / 5–45	22 / 5–45	32 / 15–55

Сопоставив данные о разных текстах, зафиксированных в одной и той же рукописи, и данные о разных рукописях, выполненных в этом же районе, и систематизировав результаты текстологических, филологических, диалектологических и скриптологических исследований, мы пришли к заключению, что скриптуральные нормы отличались, в частности, по:

- 1) аналогическому или этимологическому типу оформления имени,
- 2) количеству региональных форм,
- 3) отношению переписчиков к протографу или протографам.

В процессе «вертикального» исследования мы заметили, что локализация некоторых рукописей вызывает споры исследователей. Например, рукопись L., Br.M., R.20.D.XI, которая содержит тексты ряда проанализированных эпических поэм, локализована:

1) в Иль-де-Франсе — К. Валундом и Х. Фон Файлиценом, издателями «Детства Вивьена» [8], и М. Гиссен, изучавшей цикл о Гильоме Оранжевом (*Geste de Guillaume d'Orange*) по циклическим, или коллекционным, рукописям [17];

2) в Эне — Л. Шослер, изучавшей «Нимский обоз» (*Charroi de Nîmes*) [13];

3) в Пикардии — Кл. Ренье, издателем «Взятия Оранжа», который определил рукопись как пикардскую и выполненную с пикардского протографа на основании «излишне правильного» (*excessivement correcte*) именного склонения [11, с. 39–40].

В подобных случаях «вертикальный» анализ по трем вышеуказанным характеристикам позволяет уточнить локализацию

рукописей. Мы сопоставили данные «вертикального» анализа двух текстов («Детство Вивьена» и «Взятие Оранжа») по этой рукописи с данными анализа других пикардских и франсийских рукописей. В результате проведенного исследования мы локализовали рукопись L., Br.M., R.20.D.XI в Иль-де-Франсе по следующим причинам:

1. Оба текста представляют аналогический тип оформления имени с очень схожими характеристиками. Действительно, употребление аналогических форм позволяет локализовать рукопись как в Пикардии, так и в Иль-де-Франсе: см. таблицу 3, которая содержит: 1) тип оформления имени, 2) общее количество так называемых «ошибок в склонении», 3) количество так называемых «ошибок в склонении» по разным частям речи.

2. Поскольку оба текста представляют аналогический тип, характерный как для пикардских, так и для франсийских скрипт, очевидно, что нельзя локализовать рукопись только на основании типа оформления имени. Мы обратились к анализу региональных форм и заключили, что анализируемая рукопись существенно отличается от других пикардских рукописей тем, что в ней отсутствуют пикардские формы.

Исследования показывают, что пикардские скрипты характеризуются ярко выраженным региональным характером: максимальное количество отдельных пикардских форм может достигать 90% в хартиях и 35% в рукописях литературных текстов [3, 15]. В других скриптах максимальное количество региональных форм значительно ниже (см. табл. 4).

Таблица 3

Тип оформления имени

	1	2 (в %)	3 (в %)
<i>Enfances Vivien</i>	аналогический	25	5–45
<i>Prise d'Orange</i>	аналогический	20	5–45
Другие пикардские литературные рукописи	аналогический	5–25	5–45
Другие франсийские литературные рукописи	аналогический	5–25	5–45
	этимологический	50–95	15–100

Таблица 4

Максимальное количество региональных форм по скриптам

Скрипты	Хартии	Литературные рукописи
Пикардские	90% (<i>li, le</i> f sg)	35% (<i>li, le</i> f sg)
Валлонские	78% (<i>li, le</i> f sg)	27% (<i>li, le</i> f sg)
Лотарингские	59% (<i>lo, lou</i> sg m rég.)	45% (<i>lo, lou</i> sg m rég.)
Англо-нормандские	—	68% (притяжательные местоимения <i>tun/m, tun/m, sun/m</i> sg m rég.)
Бургундские	65% (<i>es = a + les</i>)	28% (<i>es = a + les</i>)
Нормандские	22% (указательные местоимения на <i>ch-</i>)	3% (указательные местоимения на <i>ch-</i> ; притяжательные местоимения <i>men, ten, sen / me, te, se</i> sg m rég.)

Таблица 5

Максимум пикардских форм

	Хартии	Атлас [6]	Литературные рукописи	Атлас [7]
Артикль ж. р. ед. ч. <i>li, le</i>	90%	99% «Nord» [с. 40]	35%	39% «Somme» [с. 83]
Указательные местоимения на <i>ch-</i>	65%	76% «Somme» [с. 27]	37%	49% «Somme» [с. 4]
Притяжательные местоимения ж. р. ед. ч. <i>me, te, se</i>	81%	98% «Nord» [с. 83]	21%	27% «Somme» [с. 35]

Согласно данным лингвистических атласов старофранцузского языка [6, 7] и нашим [1, 3, 15], максимум пикардских форм характерен для указанных форм (см. табл. 5).

В исследуемой рукописи нет ни одного употребления:

– форм пикардского артикля женского рода *li, le*, хотя в других пикардских литературных рукописях их количество варьируется от 5% до 35%, согласно нашим данным, или от 27% до 39%, согласно Атласу [7, с. 81–83];

– форм указательных местоимений на *ch-*, хотя в других пикардских литературных рукописях их количество варьируется от 10% до 37%, согласно нашим данным, или до 49%, согласно Атласу [7, с. 4];

– форм притяжательных местоимений женского рода единственного числа *me, te,*

se, хотя в других пикардских литературных рукописях их количество варьируется от 15% до 21%, согласно нашим данным, или до 27%, согласно Атласу [7, с. 35].

Результаты употребления пикардских форм в пикардских и франсийских литературных рукописях представлены в сводной таблице 6.

Как видно из таблицы 6, анализируемая рукопись значительно отличается от остальных пикардских рукописей полным отсутствием в ней региональных форм. С другой стороны, анализируемая рукопись схожа с франсийскими рукописями.

3. Для окончательного вывода необходимо сравнить нормативные установки пикардских и франсийских переписчиков по их отношению к протографу или протографам.

Употребление пикардских форм

	<i>Артикль ж. р. ед. ч. li, le</i>	<i>Указательные местоимения на ch-</i>	<i>Притяжательные местоимения ж. р. ед. ч. me, te, se</i>
<i>Enfances Vivien</i>	0%	0%	0%
<i>Prise d'Orange</i>	0%	0%	0%
Другие пикардские рукописи литературных текстов	5–35%	10–37%	15–21%
Другие франсийские рукописи литературных текстов	0%	0%	0%
Атлас [7]: районы «Nord», «Somme»	27–39%	49%	27%
Атлас [7]: район «Aisne»	2,7%	33%	1%
Атлас [7]: район «Région parisienne»	0%	0%	0%

Заключительные характеристики рукописных вариантов «Взятия Оранжа», сформулированные Кл. Ренье, свидетельствуют о разном отношении переписчиков к протографу. Так, рукопись Boulogne-sur-Mer 192, выполненная в 1295 году и определенная Кл. Ренье как «несомненно пикардская» (*nettement picard*), представляет наиболее измененный вариант (*profondément modifié*) произведения, предназначенный для более утонченных читателей (*publique plus raffiné que l'auditoire de fortune des jongleurs*). Переписчик стал настоящим соавтором, стараясь переделать поэму по новым литературным моделям и согласно новому эстетическому вкусу: он переделал ассонанс на рифму, изменил всю внутреннюю организацию поэмы, чтобы сделать происходящее более логичным, а поступки персонажей — более мотивированными, более того, он внес романтические элементы, изначально чуждые эпической поэзии [11, с. 78–81]. Другой пикардский переписчик, который выполнил в начале XIV века рукопись P., V.N, f.fr. 24369–24370, старался из-за «пуризма» (*par préoccupation de purisme*) избе-

гать пикардизмов и исправлять все «ошибки» в склонении [11, с. 38–40].

Напротив, вариант, представленный в рукописи L., Vr.M., R.20.D.XI, содержит лишь несколько формальных изменений, «омолаживающих» протограф (*rajeunissant le modèle*). Иначе говоря, изменения, внесенные переписчиком, не являются столь же значительными, как в других пикардских вариантах. А отсутствие пикардских форм в рукописи Кл. Ренье объяснил желанием переписчика изложить текст на общепольском языке [11, с. 39–40, 77].

Разное отношение переписчиков к протографу очевидно: «несомненно пикардские» переписчики более или менее существенно изменили копируемый текст, напротив, переписчик рукописи L., Vr.M., R.20.D.XI более или менее верно следовал протографу. Анализ текстологических исследований показывает, что подобное следование протографу характерно именно для франсийских переписчиков.

Так, Ж.-Л. Лекланш после сравнения четырех рукописных вариантов романа «Флуар и Бланшефлор» (*Floire et Blancheflor*),

изучения ассонансов и стихосложения заключил, что пикардский переписчик (P., V.N., f.fr. 375) исправил все «ошибки в склонении», в том числе и ошибки оригинала, заметив при этом, что такое поведение отличает переписчиков пикардских мастерских XIII века, которые «упорядочивали» употребление падежных форм (*les copistes des ateliers picards du XIIIe siècle ont systématiquement «régularisé» la syntaxe d'accord et l'emploi des formes de la déclinaison*). В то же время Ж.-Л. Лекланш подчеркнул стремление пикардского переписчика придать выполняемому тексту тот единообразный диалектный характер (*donner à son texte un coloris dialectal uniforme*), который отличает пикардские скриптории конца XIII века [10, с. 26–28].

Напротив, французский переписчик (P., V.N., f.fr. 1447), «рассеянный» (*distract*), по мнению Ж.-Л. Лекланша, внес в текст романа незначительные изменения: подправил некоторые явные ошибки в рифме (*pour en supprimer des «incorrections» ancrées à la rime*) и слегка (*avec modération*) модернизировал язык. Поэтому именно этот французский вариант Ж.-Л. Лекланш определил как наиболее близкий к оригиналу [10, с. 33–34, 41–42].

Объединив данные разных исследований, мы заключили, что пикардские скрипты отличались строгими нормами, следуя которым пикардские переписчики вносили много исправлений в выполняемые рукописи, изменяя, часто значительно, языковые формы и текст в целом. Все изменения выполнены в едином духе, а все тексты, зафиксированные в рукописи, обладают ярко выраженным региональным характером, существенно облегчающим локализацию пикардских рукописей. Создание унифицированного пикардского узуса часто называется исследователями «пикардизацией» (*picardisation*). С другой стороны,

работа пикардских переписчиков часто характеризуется терминами «консерватизм», «пуризм», «формализм».

Ш.-Т. Госсен [9, с. 289] образно назвал пикардские рукописи примером «языкового миража» (*mirage linguistique*), где очень редко «языковая реальность одерживает победу над формализмом скрибов» (*la réalité linguistique triomphe le formalisme des scribes*).

Французские переписчики, напротив, чаще следовали протографу, поэтому французские варианты часто определяются текстологами как наиболее ранние и близкие к архетипу. Тексты, зафиксированные во французских рукописях, могут отличаться окказиональными формами, что чрезвычайно осложняет их локализацию. Поэтому исследователи часто основываются на палеографических и кодикологических характеристиках рукописей, а также на их происхождении.

Итак, «горизонтальное» исследование показало, что рукописные варианты одного текста обычно различаются по скриптуральным нормам, наглядно представляя вариативность языкового узуса эпохи. «Вертикальное» исследование, напротив, свидетельствует о сходстве языкового узуса всех содержащихся в одной рукописи текстов. Это сходство языкового узуса указывает на главенствующую роль переписчиков, которые выполняли рукописи согласно правилам или нормам своих скриптов. «Горизонтальный» метод исследования позволяет выявить варианты формы и систематизировать их по хронологии, диалекту и скрипту, стилистической и прагматической функциям. «Вертикальный» метод позволяет выявить лингвистические привычки переписчика как говорящего (*homo loquens*) и пишущего (*homo scribens*) субъекта, его внутренние, в том числе и нормативные установки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Скрелина Л. М., Становая Л. А.* История французского языка. М.: Высшая школа, 2001 (2005). 463 с.
2. *Становая Л. А.* Соотношение формы и функции в системе имени существительного (на материале французского языка раннего периода): дис. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ, 1984. 187 с.
3. *Становая Л. А.* Старофранцузская морфология и теория скрипты: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1994. Т. 1–2. 504 с.
4. *Становая Л. А.* Введение в скриптологию. СПб.: Златоуст, 1996. 95 с.
5. *Bédier J.* La Chanson de Roland commentée. Paris: Piazza, 1927. IV. 527 p.
6. *Dees A., Van Reenen P., Vries J.* Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Tübingen: Niemeyer, 1980. XIII. 371 p.
7. *Dees A., Dekker M., Huber O., Van Reenen-Stein K.* Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Tübingen: Niemeyer, 1987. 684 p.
8. Les enfances Vivien. Chanson de geste publ. pour la première fois d'après les ms de Paris, de Boulogne-sur-Mer, de Londres et de Milan par C. Wahlund et H. von Feilitzen. Uppsala: Librairie de l'Univ.; P.: Bouillon, 1895. LX. 303 p.
9. *Gossen Ch.-Th.* De l'histoire des langues écrites régionales du domaine d'oïl // *Revue de Linguistique Romane.* 1962. T. 26. N 103–104. P. 271–308.
10. *Leclanche J.-L.* Contribution à l'étude de la transmission des plus anciennes œuvres romanesques françaises. Un cas privilégié: Floire et Blancheflor. T. 2. Lille: Service de reproduction des thèses, 1980. 400 p.
11. *Régnier Cl.* Les rédactions en vers de la Prise d'Orange. Paris: Klincksieck, 1966. 372 p.
12. *Rychner J.* Contribution à l'étude des Fables. Variantes, remaniements, dégradations. Genève: Droz, 1960. 148 p.
13. *Schøsler L.* New methods in textual criticism: the case of the Charroi de Nîmes // *Medieval Dialectology.* Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 225–276.
14. *Segre C.* Critique textuelle, théorie des ensembles et diasystèmes // *Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques.* 1976. T. 62–5. N 10–11. P. 279–292.
15. *Stanovaia L. A.* La standartisation en ancien français // *The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe.* Leuven: Leuven University Press, 2003. P. 241–272.
16. *Stanovaia L. A.* Deux types de normes scripturales dans la représentation graphique de la déclinaison nominale en ancien français // *Études de linguistique gallo-romane.* P.: Presses Universitaires de Vincennes, 2012. P. 295–322.
17. *Tyssens M.* La Geste de Guillaume d'Orange dans les manuscrits cycliques. Paris: Les Belles Lettres, 1967. 474 p.
18. *Zumthor P.* La lettre et la voix. De la «littérature» médiévale. Paris: le Seuil, 1987. 350 p.

REFERENCES

1. Skrelina L. M., Stanovaya L. A. Istoriya frantsuzskogo yazyika. M.: Vysshaya shkola, 2001 (2005). 463 s.
2. Stanovaya L. A. Sootnoshenie formy i funktsii v sisteme imeni suschestvitelnogo (na materiale frantsuzskogo yazyika rannego perioda): dis. ... kand. filol. nauk. M.: MOPI, 1984. 187 s.
3. Stanovaya L. A. Starofrantsuzskaya morfologiya i teoriya skriptyi: dis. ... d-ra filol. nauk. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1994. T. 1–2. 504 s.
4. Stanovaya L. A. Vvedenie v skriptologiyu. SPb.: Zlatoust, 1996. 95 s.
5. *Bédier J.* La Chanson de Roland commentée. Paris: Piazza, 1927. IV. 527 p.
6. *Dees A., Van Reenen P., Vries J.* Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Tübingen: Niemeyer, 1980. XIII. 371 p.
7. *Dees A., Dekker M., Huber O., Van Reenen-Stein K.* Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Tübingen: Niemeyer, 1987. 684 p.
8. Les enfances Vivien. Chanson de geste publ. pour la première fois d'après les ms de Paris, de Boulogne-sur-Mer, de Londres et de Milan par C. Wahlund et H. von Feilitzen. Uppsala: Librairie de l'Univ.; P.: Bouillon, 1895. LX. 303 p.

-
9. *Gossen Ch.-Th.* De l'histoire des langues écrites régionales du domaine d'oïl // *Revue de Linguistique Romane*. 1962. T. 26. N 103–104. P. 271–308.
 10. *Leclanche J.-L.* Contribution à l'étude de la transmission des plus anciennes œuvres romanesques françaises. Un cas privilégié: Floire et Blancheflor. T. 2. Lille: Service de reproduction des thèses, 1980. 400 p.
 11. *Régnier Cl.* Les rédactions en vers de la Prise d'Orange. Paris: Klincksieck, 1966. 372 p.
 12. *Rychner J.* Contribution à l'étude des Fabliaux. Variantes, remaniements, dégradations. Genève: Droz, 1960. 148 p.
 13. *Schösler L.* New methods in textual criticism: the case of the Charroi de Nîmes // *Medieval Dialectology*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 225–276.
 14. *Segre C.* Critique textuelle, théorie des ensembles et diasystèmes // *Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques*. 1976. T. 62–5. N 10–11. P. 279–292.
 15. *Stanovaia L. A.* La standartisation en ancien français // *The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe*. Leuven: Leuven University Press, 2003. P. 241–272.
 16. *Stanovaia L. A.* Deux types de normes scripturales dans la représentation graphique de la déclinaison nominale en ancien français // *Études de linguistique gallo-romane*. P.: Presses Universitaires de Vincennes, 2012. P. 295–322.
 17. *Tyssens M.* La Geste de Guillaume d'Orange dans les manuscrits cycliques. Paris: Les Belles Lettres, 1967. 474 p.
 18. *Zumthor P.* La lettre et la voix. De la «littérature» médiévale. Paris: le Seuil, 1987. 350 p.